

Вестник

Санкт-Петербургского
государственного
института культуры

ISSN 2619-0303

№ 3 (28) / 2016

Научный журнал

сентябрь

Л. Н. Летягин, Т. В. Шоломова

Эстетическая легитимация социального действия¹

Эстетизация этики – устойчивая тенденция, активно заявляющая о себе в современных социологических исследованиях. В контексте инновационных и охранительных тенденций культуры эстетическое нормотворчество выступает важнейшим условием развития человеческого капитала, действенным критерием, определяющим формы исторической поступательности.

Ключевые слова: калокагатия, эстетическая оценка, социогенез, человеческий капитал, социальное поведение, аксиосфера культуры, поступок

Lev N. Letyagin, Tatiana V. Sholomova

Aesthetic legitimation of social act

Aesthetization of ethics is a stable trend, which actively manifests itself in sociological research today. In the context of innovation and conservative tendencies of modern culture the concept of aesthetic standard-setting is a necessary condition for the development of human capital, acts as an effective criterion for determining forms and the direction of historical progress.

Keywords: калоκαγαθία, aesthetic evaluation, sociogenesis, human capital, social behavior, axiosphere of culture, social act

Кризис легитимности социального действия – общее переживание всего XX столетия. Акциональный фон современной культуры осложняется бесконечностью сомнений, что было отмечено еще Т. Адорно, говорившем о «пугающей, преследующей с неотступностью навязчивой идеи ситуации, когда, как бы человек ни поступал, он все равно поступит неправильно»². Однако проблема оценки конкретного поступка заключается не только в том, правильно или неправильно кто-то поступил, но также и в том красиво или некрасиво, т. е. каковы универсальные критерии его ценностной верификации.

Эстетическая легитимация поступка непосредственным образом зависит от оправдания ценности самого социального действия. Акт поступающего сознания всегда эксцентричен. В поступке получает свое разрешение проблема индивидуальной свободы. Именно поэтому в аксиогенезе культурных форм поступок как ценностный акт способен выступать выражением новых значений.

Поведение человека – это рационально оптимизированная система взаимодействия с окружающей средой. Проверенные на практике алгоритмы становятся основой самоорганизации социума. Вместе с тем феноменология социального прогресса, как и любая динамическая последовательность, не может строиться, не основываясь на критической сверке. Идея исторического развития вступает в неизбежный конфликт с инерционностью социального взаимодействия, когда, по словам Ю. К. Олеси,

человек перестает быть мерой всех вещей, а превращается всего лишь в «функцию времени».

Моральная активность субъекта действия ориентирована на создание идеальных поведенческих форм. Казалось бы, данная ценностная установка должна определять все виды деятельности в их многообразии. Но далеко не каждая повседневная ситуация предполагает совершение поступка; напротив, в большинстве случаев от человека ждут социального действия, совершаемого по уже имеющемуся социокультурному образцу.

«Быть или не быть как все» – наиболее фундаментальный вопрос, которым определяется ценностная кодификация форм социального поведения. Это естественная потребность «ритуализировать» образ жизни или – в противоположность этому – «персонифицировать» его. В обоих рассматриваемых случаях речь идет о двух разных моделях поведения: воспроизведения уже имеющихся культурных норм или создания новых. Какая из них обладает большей ценностью, зависит нередко не от самого социального действия, а от контекста, в котором оно совершается. Иными словами, на тезис М. Горького «В жизни всегда есть место подвигу» имеется ответ: нет, не всегда.

Ценностная верификация социального акта определяется не только непосредственным чувственным восприятием, но и «эстетической мышления». В предисловии к известной работе М. К. Мамардашвили Ю. Сенокосов отмечает: «мораль, как и мысль, – автономна

(своезаконна) <...> для их существования в мире нет никаких причин. Моральный поступок, как и мысль <...> или есть, или их нет»³. Структура восприятия поступка начинается с ценностной дифференциации форм человеческой деятельности. В этом плане значимое определение принадлежит древнеримскому автору Публию Теренцию: «Если двое делают одно и то же, это не одно и то же». Античная сентенция учитывает не только внутреннюю мотивацию, но внешнюю оценку действия, его истолкование. Таким образом, для оценки социокультурных последствий совершенного поступка важно знание не только намерений человека, совершившего поступок, конкретных последствий этого поступка, но и то, каким образом совершенное действие было истолковано окружающими, какое место оно нашло в культуре (как долго о нем помнили).

«Поведенческая личность» – ключевое понятие, определяющее совокупность деятельностных характеристик, доминирующих в определенном социуме. Тенденция к возрастанию и усложнению структурных связей выступает основой формирования функционального разнообразия в пределах социальной структуры.

Тенденция апологетизации социально значимых актов получает в культуре различные формы фиксации – античного мифа, средневекового героического эпоса... а также сопутствующей им на всем протяжении человеческой истории анекдотической традиции. Такие формы деятельности Д. Ю. Игнатъев определяет как «текстуализацию действительности»⁴. Благодаря этому социальные акты способны выступать в качестве прецедентной нормы, предопределяя тем самым в ситуации взаимодействия индивида и социума реализацию многочисленных сценариев, ориентированных на свое «дословное» повторение.

Социальная среда – понятие, упорядоченное многочисленными внутренними связями, в совокупности которых показательную значимую структурирующую роль выполняют формы деятельности человека. Именно они выступают основой социального генезиса и шире – культурного формотворчества. Эти же внутренние связи требуют для поддержания стабильности в социуме, чтобы члены этого социума не пытались «переиграть» ситуацию, не искушались новизной и не предавались постоянно культурному формотворчеству, т. е. требуют как раз упрощенной ситуации личного выбора, постоянства и воспроизводства поведенческих норм.

Это предопределяет исследовательскую потребность рассмотрения ситуаций, в которых понятия «поведение» и «поступок» представлены в ценностной поляризации своих модально-

стей. «Вести себя должным образом» – культурный навык, умение, видимая форма активности («вести себя»), ведущая на деле к сужению сферы социальной активности. Всякое действие «с оглядкой» выступает моделью упрощения ситуации личного выбора, понижает степень ее индивидуальной значимости.

Таким образом, вопрос о поступке как варианте культурного формотворчества сложен. Если бы всякое социальное действие являлось разрушением господствующих форм и порождением некоей новой поведенческой нормы, общество оказалось бы в ситуации бесконечного продуцирования категорического императива, когда каждое индивидуальное волеизъявление претендовало бы на свой всеобщий статус, становилось бы универсальным законом, по которому изменялась и выстраивалась реальность. В этом случае было бы невозможно сохранение социокультурной стабильности, культурные формы постоянно находились бы в ситуации деформации, возникали и тут же разрушались. В действительности этого не происходит, и основу социального равновесия следует искать среди той части общества, которая склонна к бездействию, для которой моральное требование и «не выделяться» важнее эстетической выразительности (точнее, «эстетическая выразительность» в данном случае состоит в ее отсутствии). Речь идет о срединном социальном слое, так называемом «среднем» классе, поскольку именно «средний» класс выступает в роли культурного интегратора общества, распространяя образцы собственной культуры на выше и нижестоящие слои⁵.

Культура социальной середины – это во многом область господства морали, о чем с разных позиций писали П. Бурдьё и В. Библер. Согласно П. Бурдьё, при восприятии произведений искусства для мелких буржуа (мещан) важнее всего сочувствие героям, а также нравственная составляющая сюжета⁶. В. С. Библер, устанавливая разницу между нравственностью и моралью, объяснял нравственность как индивидуальный, вырастающий из особенностей конкретной личности поступок, необходимость совершения которого вызвана совершенно конкретной сложной ситуацией. Такой поступок в принципе не может быть никогда и никем воспроизведен, а тем более – превращен в поведенческую норму. Мораль В. С. Библер описывал как «засохшую в нормы и предписания (как надо себя вести, чтобы жить достойно) форму нравственности»⁷. Об утративших внутреннее напряжение догматах, в которых «внутренняя освещенность сменяется свыше нисходящей освященностью» Библер говорил как о необходимых в быту правилах, выполняющих роль

«насушенных скреп общечеловеческого этического поведения»⁸. В этом смысле кажущаяся нам «унылой» буржуазная мораль прекрасно справляется с ролью стабилизирующего социокультурного фактора, является формализующей оболочкой, удерживающей общество в рамках традиции. Именно она противостоит поступку как эстетическому способу самоутверждения индивида в пространстве сложившихся культурных норм. «Идеальная поведенческая форма» обнаруживается вовсе не в небывалой новизне, а в банальности, укорененной в сложившихся «обыкновенных», что в наибольшей степени соответствует ожиданиям абсолютного большинства членов социальной группы.

Эстетическая проблематика поступка обозначается благодаря взаимодействию членов социума, и вовсе не всегда «красота» социального действия предполагает его принципиальную новизну. «Красиво» то, что соответствует «норме». При этом необходимо исходить из условности (обусловленности) обоих понятий. Как отмечает А. В. Грибакин, «в сущности, в человеческом обществе нормофикация представляет собой типизирование действий индивидов и их результатов. Будучи индивидуализированными, обособленными друг от друга, люди вместе с тем совершают объективно совпадающие по форме и содержанию поступки. В них прослеживаются повторяемость 1) целей, 2) средств их реализации, 3) мотивов, 4) операций, 5) результатов, что и позволяет составить правила их выполнения, которые при комфортных условиях гарантируют максимальную эффективность активности относительно интересов индивидов»⁹.

Оценка сложившихся обыкновений и социальных действий ориентирована на конкретную культурно-историческую ситуацию. Так, в экспозиции пьесы Горького «Мещане» описана комната в доме красильщика Бессеменова: «Дешевые венские стулья с тошнотворной правильностью стоят вдоль стен». Старомодность, тяжеловесность, неповоротливость и неспособность ничего выбросить и обновить – не только типовые характеристики мещанского интерьера как такового, но и характеристики внутреннего мира героев пьесы, не знающих и не представляющих, как им жить и действовать. О патриархальном характере мелкобуржуазного интерьера со свойственной предметам мебели монофункциональностью, несменяемостью, внушительностью присутствия и иерархическим этикетом писал Ж. Бодрийяр¹⁰, причем, как и следует полагать, без возможности какого-либо одобрения.

Но вот другой типичный мещанский интерьер в принципиально иной культурно-исторической ситуации: «Комната была чисто

выбеленная и вымытая до блеска, крашенные полы устланы чистыми половиками, на столе белоснежная скатерть, такой же пододеяльник на кровати Елены Николаевны, а подушки, одна меньше другой, были пышно взбиты и покрыты чем-то кружевным и воздушным» (А. Фадеев, «Молодая гвардия»). Это комната жены ответственного партийного работника Е. Н. Кошевой, увиденная глазами немецкого денщика. Единственный сын этой женщины вырос в душливой атмосфере кружевных накидочек и салфеточек, что не помешало ему возглавить молодежную подпольную организацию в период оккупации. Из этого следует, что правильному моральному выбору неверный эстетический выбор отнюдь не помеха. Исторические прецеденты свидетельствуют о том, что недостаток эстетического вкуса (если рассматривать организацию быта по мещанскому образцу как недостаток вкуса) не препятствует совершению правильного этического выбора. Когда мы осуждаем мещанство, мы осуждаем его, прежде всего, за неверные представления о красоте, забывая о всеобщей возможности и доступности возвышающего человека прекрасного поступка. При этом следует решить: данный конкретный поступок (подвиг Олега Кошевого) – это было следование «норме», которое в известных ситуациях оценивается как «красота поведения», или ценностный акт, выражающий волевой прорыв, выход к новым значениям. Подлежит ли такой поступок повторению и воспроизведению или должен сохранить свою поведенческую уникальность?

Между тем «историческая типология представляет нечто большее, чем последовательность рядоположенных фактов. Как система ценностных координат она не может ограничиваться внешней характеристической процессом. Для уточнения теоретических аспектов эстетики истории принципиально значимым представляется опыт субъективных оценочных процедур, т. е. понимание того, каким образом формы социальной реальности нашли непосредственное отражение в сознании» человека.

Этот критерий выступает дополнительным условием целостного постижения исторических процессов – в той мере, в какой «опыт восприятия «символической хронологии» [оказывается] ориентирован на единство удаленных по времени событий, принимаемых субъектом действия в качестве внутренних точек сравнения»¹¹.

И. Кант писал, что «если даже никогда и не было бы поступков, которые возникали бы из таких чистых источников <...> разум себе самому

и независимо от всех явлений предписывает то, что должно происходить»¹².

Таким образом, поступок – не «выпадение» из реальности, а установление нового типа отношений внутри этой реальности, точка построения целого. Поступок – это расширение сферы эстетического опыта человека, который упорядочивает картину мира, «достраивает» ее, превращая в целостный феномен.

Выступая прецедентной нормой, он обретает не только внутренний, но и общезначимый преобразующий смысл – силу побуждающего (провоцирующего, иницирующего...) образа. Это в большей мере не форма самоутверждения субъекта действия, а акт его самоотвержения. В этом заключается действительный смысл манифестации фундаментальных ценностей культуры.

Как отмечал М. Мамардашвили, «есть десятки гражданских поступков, деяний, проявлений души, относящихся к гражданскому существованию, которые мы даже не можем вообразить себе как человеческую возможность не потому, что у нас ее отняли, а потому, что у нас ее не было»¹³.

Оценочная сфера человеческого поступка соотносима с предметными границами понятия культуры. Поступок приобретает свой действительный статус и оценивается в пределах оппозиций, которые не существуют вне системы общественных соотношений. Именно в этом смысле поступок актуально рассмотреть не только как одну из составляющих культуры, но и как один из критериев, означающих культуру, определяющих характер ее поступательного развития. Об этом размышлял М. Пришвин, масштаб идей которого до настоящего времени оказывается оценен не в полной мере: «Если жить красотой и строить мир красоты, то какая этика должна сама попутно явиться. И наоборот, если человек любит и поступает по любви, то наверно это будет красиво, и будет красивая жизнь, и красота будет живой»¹⁴. Эстетическая легитимация социального действия предполагает возвращение поступку традиционного калокагатического смысла. Это позволяет говорить о категориальной актуализации калокагатии, ее возвращении в понятийный аппарат современной эстетики. Если, согласно Канту, «поступок существует не только в сфере прак-

тики, но и в сфере мысли и чувства», данный тезис необходимо согласовать с классическим определением Аристотеля: поступок следует оценивать не по добрым намерениям, а по совершенным действиям, когда намерения и действия совпадают. С точки зрения социальной нормативности это позволяет принципиально изменить представление об аксиологическом статусе субъекта действия, ибо прекрасный человек рожден для новой нравственности.

Примечания

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10698а «Антропология инновационной деятельности и технологии формирования человеческого капитала в современном российском обществе».

² Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. С. 434.

³ Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. С. 7.

⁴ Игнатъев Д. Ю. Университет и музей // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2. С. 161–164.

⁵ Заславская Т. И., Громова Р. Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 6–7.

⁶ Bourdieu P. Distinction: a social critic of judgement of taste / transl. by R. Nice. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1984. P. 44.

⁷ Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность: филос. размышления о жизнен. проблемах. М.: Знание, 1990. С. 6–7.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Грибакин А. В. Нормофикация и легитимация: аспекты взаимодействия // Мир человека: нормативное измерение–3: рациональность и легитимность: сб. тр. междунар. науч. конф., Саратов, 13–15 июня 2013 г. Саратов: Кубик, 2013. С. 30–36.

¹⁰ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. С. 11.

¹¹ Подробнее об этом: Летягин Л. Н. «Мартовские иды» в русской истории: исторический сценарий как поведенческая модель // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 172. С. 23–33.

¹² Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 179.

¹³ Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. С. 38.

¹⁴ Пришвин М. М. Весна света: сборник. М.: Жизнь и мысль, 2001. С. 357.